

¹ *Цетлин М.О.* Анри Барбюс // *Современные записки.* 1920. № 1. С. 242.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 243.

⁵ Там же.

⁶ *Шлецер Б.* [Рец.:] Ромен Роллан. Клерамбо. История одной свободной совести во время войны (Париж. Оллендорф, 1920 г.) [Rolland R. Clérambault: histoire d'une conscience libre pendant la guerre. Paris: Ollendorff, 1920] // *Современные записки.* 1921. № 3. С. 258.

⁷ Там же. С. 259.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 261.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ *Слоним М.Л.* Поэт человечности (Жорж Дюгамель) // *Современные записки.* 1921. № 3. С. 228.

¹⁴ *Левинсон А.* Сюарес. // *Современные записки.* 1921. № 7. С. 359.

¹⁵ Там же. С. 360.

¹⁶ Цит. по: *Левинсон А.* Указ. соч. С. 360.

¹⁷ *Степун Ф.А.* Германия // *Современные записки.* 1930. № 42. С. 414.

¹⁸ Там же. С. 418.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 422.

²¹ Там же. С. 424.

²² Там же. С. 425.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 426.

Русская классика и восприятие Первой мировой войны в литературной среде России 1914 г.

На материале журнала «Русская мысль» и других изданий

Начавшаяся война с первых же дней была воспринята на страницах «Русской мысли» как заря «новой эпохи всемирной истории»¹, «великая европейская» (П. Струве)² и даже «мировая» (Григорий Рачинский)³, «новая историческая грань, завершающая целую мировую эпоху» (С. Булгаков)⁴. Неудивительно, что столь масштабное событие осмыслялось современниками в исторической ретроспективе – путем обращения к предшествующим войнам XIX столетия: Отечественной войне 1812 г., Крымской войне 1853–1855 гг., Франко-прусской войне 1870–1871 гг., Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. «Произошла историческая катастрофа», «в этом огромном крушении есть только один способ ясного видения вперед, это – обращение назад, к прошлому, ясное понимание того, что осталось за нами...»⁵. Материалы «Русской мысли» второй половины 1914 г. наполнены обращениями к названным историческим фактам, которые в том или ином аспекте трактовались как прецеденты нынешнего. (Интересно, что при этом нет ни одной отсылки к недавней Русско-японской войне 1904–1905 гг., которая, по-видимому, воспринималась как выпадающая из приведенного ряда.)

Так, например, Г. Вернадский прямо сопоставил войны 1812 и 1914 гг. как сходные для русских людей «испытания», требующие самопожертвования и мужественной готовности к смерти ради «Божьего дела»⁶. О Крымской войне как «мировой» войне XIX в. писал П. Струве⁷; как к «священной», подобно нынешней, к ней обращался Л. Козловский⁸. Осмысляя перемены во взаимоотношениях России и Германии за последние полвека, М.О. Гершензон в статье «1870 и 1914» провел параллель с Франко-прусской войной:

в 1870 г. немцы победили французов благодаря «атмосфере высокого нравственного подъема» в своих войсках, теперь такой силы у них нет – более того, она перешла на сторону их военных врагов, России и ее союзников⁹. В том же ключе отозвался о войне Германии с Францией Вячеслав Иванов: с 1870 г. «истинно-творческие силы в германстве стали видимо изнемогать и как бы отмирать и отыматься»¹⁰.

Однако лидерство принадлежит здесь Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Ее вспоминали, о ней писали П. Струве¹¹, кн. Евгений Трубецкой¹², С. Булгаков¹³, Л. Козловский¹⁴ и др. Более того, текущая война 1914 г. во многом воспринималась как отложенное разрешение тех же самых вопросов, которые волновали русское общество во времена полемики Л. Толстого и Ф. Достоевского в 1876–1877 гг.: о сущности войны как таковой, о возможности справедливых «народных» войн, о патриотизме, о «восточном вопросе», о месте Германии и России в Европе, о германо-русских отношениях, об историческом назначении России и т. д. Еще в 1840–1870-е гг. полемику эту предваряли статьи и стихотворения Ф. Тютчева, а на рубеже XIX–XX вв. она продолжилась в трактатах Вл. Соловьева, Н. Федорова и др., плавно перелившись в критико-публицистические дискуссии 1914 г.

С началом Первой мировой войны либерально-демократический журнал «Русская мысль» предоставил свои страницы всему спектру патриотической мысли России: во-первых, неославянофильству в лице деятелей московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева (кн. Е. Трубецкому, Г. Рачинскому, Вяч. Иванову, С. Булгакову, В. Эрну), во-вторых, собственному изводу патриотизма, трактовавшему начавшуюся войну как противостояние культурных европейских держав, в том числе России, новому немецкому варварству (П. Струве, А. Изгоев, Б. Эйхенбаум, С. Франк, Э. Гримм, М.О. Гершензон). Сложившаяся уже в первые месяцы Первой мировой войны пацифистско-пораженческая идеология, как чуждая редакционным взглядам, на страницах «Русской мысли» непосредственно представлена не была; о ней можно судить по полемическим выступлениям авторов журнала.

Так, с социалистами, марксистами, социал-демократами, желавшими поражения своим правительствам, считавшими на-

чавшуюся войну войной государств, а не народов, войной национальных буржуазий за рынки сбыта и рабочую силу, вступил в полемику А. Изгоев¹⁵. Автор с удовлетворением отметил крах социал-демократического интернационализма в результате измены ему немецкой партии, целиком разделившей правительственные идеалы германского милитаризма. Подробный анализ враждебной по отношению к России позиции немецкой же социал-демократии предпринял П. Струве в статье «Суд истории»: в 1877–1878 гг. К. Маркс и Ф. Энгельс «стояли безусловно на стороне Турции. После русско-турецкой войны они ожидали русско-германской войны и со своей точки зрения германских социал-демократов ее весьма опасались»¹⁶, так как не желали усиления Бисмарка.

Взгляды Л. Толстого и его последователей, осуждавших любые войны, были критически затронуты П. Струве в статье «Великая Россия и Святая Русь»¹⁷. Приветствуя происходившее, по его мнению, в русской армии 1914 г. объединение духовно-культурного идеала «Святой Руси» и государственного идеала «Великой России», автор отталкивался от широко известного воззрения Л. Толстого, которое «заранее подозревает и осуждает силу, не улавливает необходимой связи между силой и правдой». «Во всякой подлинной силе, – утверждал П. Струве в противовес Л. Толстому, – не может не быть элемента духовности и всегда правда стремится воплотиться в силу»¹⁸.

Осмысляя нынешнюю войну в обрисованной исторической ретроспективе, авторы «Русской мысли», «Голоса минувшего» и других изданий не могли не обратиться к суждениям писавших о прошлых войнах мыслителей: Ф. Тютчева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, Вл. Соловьева, Н. Федорова.

Для демонстрации преемственности или, напротив, переосмысления и полемики с идеями названных мыслителей, кратко определим существо взглядов каждого из них на перечисленные вопросы.

Тютчеву и Достоевскому было свойственно, как известно, религиозно-философское понимание истории¹⁹. Еще в трактате «Россия и Германия» (1844) Тютчев писал о нежелании Запада допустить, что за его «пределами жила другая, Восточная Европа, вполне законная сестра христианского Запада, <...> внутренне

более глубоко христианская...»²⁰. Так великий поэт-дипломат объяснял одновременную общность и чуждость России и Западной Европы: обе они объединяют христианские народы, однако российское христианство – греко-православное, а западноевропейское – латино-католическое, частью протестантское.

Это различие определяет и суть «восточного вопроса», т. е. отношение к поработанным Турцией малым южнославянским народностям, в большинстве своем исповедовавшим православную веру: Россия как по вероисповедному, так и по «племенному» признакам – их естественная защитница и союзница; когда-то католический, а затем революционный Запад, отрехнувшийся в Новое время от своего христианского прошлого, становится союзником мусульманской Турции в борьбе с последним оплотом христианства на земле – Россией. «Революция, – писал Тютчев в трактате “Россия и Запад” (1849), – если рассматривать ее самое существенное и простое первоначало, есть <...> высшее выражение того, что в продолжение трех веков принято называть цивилизацией Запада. Это вся современная мысль после ее разрыва с Церковью.

Сия мысль такова: человек в конечном итоге зависит только от самого себя – в управлении как своим разумом, так и своей волей. Всякая власть исходит от человека, а всякий авторитет, ставящий себя выше человека, есть либо иллюзия, либо обман...»²¹.

С наибольшей ясностью и силой противопоставление России и романо-германской Европы было высказано в статье «Россия и революция» (1848): «Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними... зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества». Противостояние это, по Тютчеву, проходит по линии веры и безбожия: «Прежде всего Россия – христианская держава, а русский народ является христианским... Революция же прежде всего – враг христианства... Ее последовательно обновляемые формы и лозунги, даже насилия и преступления – все это частности и случайные подробности. А оживляет ее именно антихристианское начало...»²².

Уже в середине XIX века Тютчев констатировал «полнейшее революционизирование Германии» (в указанном выше смысле): «Шестьдесят лет господства разрушительной философии совершенно сокрушили в ней все христианские верования и развили в отрицании всякой веры главнейшее революционное чувство – гордыню ума – столь успешно, что в наше время эта язва века, возможно, нигде не является так глубоко растравленной, как в Германии. По мере своего революционизирования Германия с неизбежной последовательностью ощущала в себе возрастание ненависти к России»²³. Иными словами, глубинная причина ненависти немцев (как и других современных западноевропейцев) к России – в противостоянии двух главных жизненных принципов: христианства и антихристианства.

И далее следует тютчевское пророчество сразу о трех последующих войнах (Крымской, Русско-турецкой и Первой мировой): «И как могло бы случиться, чтобы в столь беспощадной войне, в готовящемся крестовом походе нечестивой Революции, уже охватившей три четверти Западной Европы, против России Христианский Восток, Восток Славяно-Православный, чье существование нераздельно связано с нашим собственным, не ввязался бы вслед за нами в разворачивающуюся борьбу. И, быть может, с него-то и начнется война, поскольку естественно предположить, что все терзающие его пропаганды (католическая, революционная и проч. и проч.), хотя и противоположные друг другу, но объединенные в общем чувстве ненависти к России, примутся за дело с еще большим, чем прежде, рвением»²⁴. История показала, что именно славянский вопрос стал поводом для всех перечисленных войн, в том числе и роковой выстрел боснийского серба Гаврилы Принципа 28 июня 1914 г. в Сараево...

«О совпадении взглядов Тютчева и Достоевского на проблему “Россия и Запад”, равно как и на неотъемлемо с ней связанный “Восточный вопрос”, заговорили еще русские религиозные философы – Д.С. Мережковский, С.Н. Булгаков, Г.В. Флоровский»²⁵. В «Дневнике писателя» за 1876 и 1877 гг. Достоевский следовал в оценке событий Русско-турецкой войны многим суждениям умершего к тому времени Тютчева. Более того, как заметил Л. Козловский, Достоевский из-за этого разошелся с большинством сво-

их современников в оценке названной войны: в 1870-е гг. «русская политика уклонилась от вероисповедного принципа и пошла по племенному пути», война 1877 г. с Турцией велась «за избивенных славян, а не за Православную церковь»; Достоевский же защищал именно вероисповедный принцип, подобно Тютчеву в 1853–1855 гг. «Политические стихотворения Тютчева 1850–1855 гг. проникнуты... теми идеями, которые Достоевский проводил в “Дневнике писателя” 1876–1877 гг.»²⁶.

Во-первых, это взгляд на Россию как на нечто совсем иное, чем остальная Европа: «Россия... есть нечто совсем самостоятельное и особенное, на Европу совсем непохожее и само по себе серьезное», она «несет внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше, – православие», она «хранительница Христовой истины, <...> настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах»²⁷.

Так и П. Струве в 1914 г. связывал «антирусское настроение» не с какими-либо «социальными и политическими воззрениями», а с «культурными судьбами России и остальной Европы»: так, «антирусское настроение всего ярче проявляется именно в радикальных и народных элементах Германии и... там оно опирается не только на политические соображения, а коренится гораздо глубже, во всем отношении к России и русским»²⁸. С. Булгаков, в свою очередь, назвал Россию 1914 г. «самобытным миром», призванным «спасти себя и Европу» от секулярно-буржуазного «новоевропеизма»²⁹.

Во-вторых, из этого особого качества России следует, по Достоевскому, «потребность наша всеслужения человечеству, даже в ущерб иногда собственным и крупным ближайшим интересам <...> Одним словом, это, может быть, и есть начало, первый шаг того деятельного приложения нашей драгоценности, нашего православия, к всеслужению человечеству, – к чему оно и предназначено и что, собственно, и составляет настоящую сущность его»³⁰.

Очевидно, что именно в таком смысле Вячеслав Иванов назвал в 1914 г. начавшуюся Первую мировую войну «вселенским делом», делом «человечества, как единства соборного»³¹. Ту же мысль можно уловить в вышеназванной статье С. Булгакова:

«сердце... России в Православии, а потому и русское творчество, как это хорошо ведомо было Достоевскому, есть раскрытие и осуществление потенций русского Православия»³².

Как для Тютчева «священна» Крымская война за права единоверцев и христианских церквей на территории Турции, так и для Достоевского в 1877 г. нет ничего «святей и чище подвига такой войны, которую предпринимает теперь Россия»: «идея наша свята, и война наша <...> первый шаг к достижению... вечного мира, <...> *воистину* международного единения и *воистину* человеколюбивого преуспевания! Итак, не всегда надо проповедовать один только мир, и не в мире одном, во что бы то ни стало, спасение, а иногда и в войне оно есть». Эта поистине *народная* война «освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задыхались, сидя в немощи растреления и в духовной тесноте»³³.

Сравним эти слова с оценкой войны 1914 г. в статье С. Франка «О поисках смысла войны»: «...эта война сразу и с непоколебимой достоверностью была воспринята самой стихией национальной души как необходимое, нормальное, страшно важное и бесспорное по своей правомерности дело»³⁴. По мнению Е. Колтоновской, война 1914 г. «вместе с опустошениями... несет с собой и оздоровляющее начало. Давно болеющая литература может почерпнуть в ней то лекарство, в котором она так нуждается»³⁵.

«Восточный вопрос», по Достоевскому, «есть в сущности своей разрешение судеб православия <...> С Востока и пронесется новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может, вновь спасет европейское человечество. Вот назначение Востока, вот в чем для России заключается Восточный вопрос»³⁶. Что Тютчев называл революцией, то Достоевский – социализмом как прямым последствием католицизма. Хотя авторы «Русской мысли» 1914 г. не были сторонниками строгого церковного православия, а скорее тяготели к «новому религиозному сознанию», мысль об особом религиозном предназначении России по сравнению с Западной Европой была им близка. Недаром Вячеслав Иванов в статье «Вселенское дело» поднял «достоевский» вопрос о завоевании Россией Царьграда³⁷, а С. Булгаков заговорил о неудаче дела новоевропейской цивилизации с ее секуляризмом и о

России как об «апокалиптической теократии Белого Царя»³⁸. Судьбой Константинополя в ходе начавшейся войны озабочены также А. Кизеветтер и Л. Козловский³⁹.

Интересно, что, хотя Достоевский «всю жизнь... знал, что немец всегда и везде, еще с самой Немецкой слободы в Москве, очень-таки не жаловал русского»⁴⁰, бисмарковскую Германию он склонен был считать политическим союзником России: «зависимость от союза с Россией есть, по-видимому, роковое назначение Германии, с франко-прусской войны особенно»⁴¹. Конечно, в 1914 г. пророчества Достоевского 1877 г. выглядели полной неудачей: «В Европе есть Германия, и та на нашей стороне <...> Два великие народа... предназначены изменить лик мира сего <...> Надо считать, что дружба России с Германией нелицемерна и тверда и будет укрепляться чем дальше, тем больше, распространяясь и укрепляясь постепенно в народном сознании обеих наций...»⁴².

Однако публицисты 1914 года хором заявляли о коренном разрыве между Германией современной и тридцатилетней давности, об измене заветам Бисмарка. Так, например, П. Струве писал: «та германская “гордыня”, которую мы ощущаем как главный источник происхождения этой войны, есть явление новой и даже новейшей Германии. В ней поражает полное отсутствие всякой религиозной подкладки, она по питающему ее духу – позитивна и позитивистична». Хотя официальная Германия на словах поминает Бога, продолжал П. Струве, на деле у нее «совершенно отсутствует ощущение и сознание сверхчеловеческих сил, действующих в истории... религиозное начало»⁴³. С. Франк отмечал, что вина современной Германии – в забвении собственной великой культуры, в утере «религиозного мировоззрения» и отдаче «соблазну... национального самомнения»⁴⁴.

Достоевский же в своих оптимистических прогнозах относительно Германии ориентировался именно на Бисмарка: «Едиственный политик в Европе, проникающий гениальным взглядом своим в самую глубь фактов, – есть, бесспорно, князь Бисмарк. Самого страшного врага Германии, ее единства и ее обновленного будущего он прозрел, еще задолго назад – в римском католицизме и в порожденном католицизмом чудовище – социализме»⁴⁵.

Значительное место в рассуждениях Достоевского о Русско-турецкой войне («Дневник писателя за 1877 г.») заняла полемика с Л. Толстым, конкретнее – со взглядами героя «Анны Карениной» Константина Левина на славянский вопрос. В последней 8-й части этого романа действуют герои – идейные антагонисты: иронически показанный Сергей Иванович Кознышев со своим приятелем профессором Катавасовым (сторонники помощи славянам) и сочувственно изображенный Левин (противник участия России в борьбе южнославянских народов с Турцией).

«В среде людей, к которым принадлежал Сергей Иванович, – писал Л. Толстой, – в это время ни о чем другом не говорили и не писали, как о Славянском вопросе и Сербской войне. Все то, что делает обыкновенно праздная толпа, убивая время, делалось теперь в пользу Славян. Балы, концерты, обеды, спичи, дамские наряды, пиво, трактиры – все свидетельствовало о сочувствии к Славянам». Сергей Иванович «видел, что Славянский вопрос сделался одним из тех модных увлечений, которые всегда, сменяя одно другое, служат обществу предметом занятия; видел и то, что много было людей, с корыстными, тщеславными целями занимавшихся этим делом»⁴⁶. Характерны наблюдения профессора Катавасова, спутника Кознышева, за добровольцами в вагоне на одной из станций Курской железной дороги по пути в имение Левина: это люди, не нашедшие себя в русской жизни. То же и Вронский, с которым на той же станции разговорился Кознышев. Опять звучит мысль о том, что в Сербию едут несостоявшиеся люди, неудачники, например вдрызг проигравшийся Яшвин. Сам Вронский после самоубийства Анны стремится лишь к смерти: «Я, как человек... тем хорош, что жизнь для меня ничего не стоит. А что физической энергии во мне довольно, чтобы врубиться в каре и смять или лечь, – это я знаю. Я рад тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мне не то что не нужна, но постыла»⁴⁷.

Косвенная дискредитация Сербской войны перерастает в прямое отрицание ее значения в речах Левина, которого Достоевский считал alter ego самого автора: «Да моя теория та: война... есть такое животное, жестокое и ужасное дело, что ни один человек, не говорю уже христианин, не может лично взять на свою ответственность начало войны...»⁴⁸.

Интересно, что Кознышев в качестве контраргумента приводит знакомую нам по Тютчеву и Достоевскому концепцию православной «священной» войны, которая, по его мнению, близка большинству русского народа: это «выражение человеческого, христианского чувства. Убивают братьев, единокровных и единоверцев <...> В народе живы предания о православных людях, страдающих под игом “нечестивых агарян”. Народ услышал о страданиях своих братьев и заговорил»⁴⁹. На что Левин, в полном соответствии с антицерковным, антиправославным толстовским взглядом, заявляет: «я сам народ, я и не чувствую этого». А если все же и появляются добровольцы, то потому, что «в восьмидесятимиллионном народе всегда найдутся не сотни, как теперь, а десятки тысяч людей, потерявших общественное положение, бесшабашных людей, которые всегда готовы – в шайку Пугачева, в Хиву, в Сербию...»⁵⁰.

Главное же, по Л. Толстому, что подлинная, настоящая жизнь русских людей не имеет никакого отношения к Русско-турецкой войне, ведущейся за посторонние для большинства из них интересы: «...все эти соображения о значении Славянского элемента во всемирной истории показали ему [Левину] так ничтожны в сравнении с тем, что делалось в его душе <...> Уже входя в детскую, он вспомнил, что такое было то, что он скрыл от себя. Это было то, что если главное доказательство Божества есть Его откровение о том, что есть добро, то почему это откровение ограничивается одною христианскою церковью? Какое отношение к этому откровению имеют верования буддистов, магометан, тоже исповедующих и делающих добро?»⁵¹. Настоящая жизнь как альтернатива надуманному, по Л. Толстому, «восточному вопросу» – это природа, труд на земле, семья, улыбка ребенка... На этом фоне речи Кознышева воспринимаются как трескучая риторика, например: «Все разнообразнейшие партии мира интеллигенции, столь враждебные прежде, все слились в одно. Всякая рознь кончилась, все общественные органы говорят одно и одно, все почуяли стихийную силу, которая захватила их и несет в одном направлении <...> теперь слышен голос русского народа, который готов встать, как один человек, и готов жертвовать собой для угнетенных братьев; это великий шаг и задаток силы»⁵².

Достоевский в «Дневнике писателя», со своей стороны, критиковал позицию Левина: «...я не верю, что он народ; напротив, вижу теперь, что и он с любовью норовит в обособление. Убедился я в этом, прочитав вот ту самую восьмую часть “Анны Карениной”». Сущность взгляда «столь значительного русского писателя, и именно на столь интересное для всех русских дело <...> заключается... в том, что, во-1-х, всё это так называемое национальное движение нашим народом отнюдь не разделяется, и народ вовсе даже не понимает его, во-2-х, что всё это нарочно подделано, сперва известными лицами, а потом поддержано журналистами из выгоды, чтоб заставить более читать их издания, в-3-х, что все добровольцы были или потерянные и пьяные люди или просто глупцы, в-4-х, что весь этот так называемый подъем русского национального духа за славян был не только подделан известными лицами и поддержан продажными журналистами, но и подделан вопреки, так сказать, самых основ... И наконец, в-5-х, что все варварства и неслыханные истязания, совершенные над славянами, не могут возбуждать в нас, русских, непосредственного чувства жалости и что “такого непосредственного чувства к угнетению славян *нет и не может быть*”»⁵³.

Если Л. Толстой иронически отнесся к так называемому общественному мнению, поддержавшему войну с Турцией за освобождение славян («Общество определенно выразило свое желание. Народная душа получила выражение, как говорил Сергей Иванович. И чем более он занимался этим делом, тем очевиднее ему казалось, что это было дело, долженствующее получить громадные размеры, составить эпоху»⁵⁴), то Достоевский, напротив, приветствовал «сближение с народом» «в общей солидарности для общего дела. Солдат и его офицер живут теперь там единым духом и единым чувством. Интеллигенция роднится с народом, возвращается к нему опять и уже делом, а не теорией, научается уважать народ, из которого вышел этот солдат, и научает народ уважать себя и уже не как начальника или господина, а как человека, душевно»⁵⁵.

С этой мыслью очевидно согласна Е. Колтоновская в статье «Война и писатели. О писательской психологии»⁵⁶. Представляя «талантливый рассказ» Ю. Слезкина «Денщик», напечатанный

в газете «Речь» (1914, № 285), автор указала на засиявший в нем «свет обновленной национальной любви», возникшей из осознанной на войне общности офицера и денщика: «душевное перерождение слезкинского героя» – «одно из чудес войны».

Достоевский в полемике с Л. Толстым фактически повторил слова Сергея Ивановича в споре с Левиным: русские люди из народа «знают <...>, что святыми местами и всеми тамошними восточными христианами овладели нечестивые агаряне, магометане, турки и что жить христианам по всему Востоку чрезвычайно трудно и тяжело <...> Про славян действительно народ наш почти ничего не знал <...> Но зато... слышал и знает, что есть православные христиане под игом Магометовым, страдают, мучаются и что даже самые святые места, Иерусалим, Афон, принадлежат иноверцам»⁵⁷. Русско-турецкая война для Достоевского – это «война за христианство», а Левин, не являясь православным, не может быть причислен к русскому народу.

Через много лет после окончания войны 1877–1878 гг. и смерти Достоевского, уже на рубеже XIX–XX вв., Л. Толстой развивал свои мысли в статьях «Патриотизм или мир?» (1896), «Патриотизм и правительство» (1900), «Не убий» (1900) и др. По его мнению, «нужно уничтожить то, что производит войну. Производит же войну желание исключительного блага своему народу, то, что называется патриотизмом. А потому для того, чтобы уничтожить войну, надо уничтожить патриотизм»; «патриотизм не может быть хороший»; «когда, как теперь, есть патриотизм: американский, английский, немецкий, французский, русский, все противоположные один другому, то патриотизм уже не соединяет, а разъединяет». Более того, патриотизм несовместим с «учением не только Христа, в его идеальном смысле, но и с самыми низшими требованиями нравственности христианского общества»: «если патриотизм добро, то христианство, дающее мир, – пустая мечта <...> Если христианство истина и мы хотим жить в мире, то не только нельзя сочувствовать могуществу своего отечества, но надо радоваться ослаблению его и содействовать этому. Надо радоваться, когда от России отделяется Польша, Остзейский край, Финляндия, Армения...»⁵⁸. «Все народы так называемого христианского мира, –

проповедовал Л. Толстой в 1900 г., – доведены патриотизмом до... озверения...»; патриотизм есть «чувство грубое, вредное, стыдное и дурное... безнравственное»⁵⁹.

Уже непосредственно перед Первой мировой войной в письме к Славянскому съезду в Софии (1910) Л. Толстой писал, что «признание основой единения начала племенного, народного, патриотическо-государственного неизбежно отрицает религиозное начало, как действительную основу жизни»⁶⁰, тем самым отвергая «племенной и народный патриотизм» славянских народов. Влиятельность толстовских взглядов в русском обществе нельзя преуменьшить, о чем свидетельствует более позднее высказывание Н. Бердяева: «Мировая война проиграна Россией потому, что в ней возобладала толстовская моральная оценка войны. Русский народ в грозный час мировой борьбы обессилили кроме предательства и животного эгоизма толстовские моральные оценки. Толстовская мораль обезоружила Россию и отдала ее в руки врага»⁶¹.

Справедливости ради следует отметить, что толстовские идеи о несовместимости войны как таковой ни с христианскими, ни с гуманистическими воззрениями, выраженные им еще в «Севастопольских рассказах» и «Войне и мире», вошли в плоть и кровь русского интеллигентского сознания и разделялись всеми без исключения авторами «Русской мысли» и других рассмотренных здесь изданий. Так, например, С. Франк отмечал, что среднему русскому мыслящему человеку всякая война «представляется чем-то ненормальным и противоестественным»⁶². Однако возникший позже абсолютный толстовский пацифизм разделялся в 1914 г. существенно меньшей частью русской литературной среды, чем патриотизм тютчевско-достоевского характера. Авторы «Русской мысли» не раз обращались за поддержкой и к таким оппонентам Л. Толстого по вопросу о войне, как Вл. Соловьев и Н. Федоров.

Подобно Л. Толстому и Достоевскому, войну как таковую Вл. Соловьев признавал «хронической болезнью человечества»: «война есть зло». Хотя христианство, по мысли Вл. Соловьева, «своим безусловным осуждением всякой ненависти и вражды... в принципе, в нравственном корне упразднило войну», «учители христианства не отрицали государства и его назначения “носить

меч против злых», а следовательно, не отрицали и войны». Более того, войны способствуют «процессу всемирного “собираания земли” посредством единой материальной культуры»⁶³.

В трактате «Оправдание добра. Нравственная философия» (1897) отчетливо прозвучала и критика толстовских взглядов как нехристианских, в чем Вл. Соловьев обнаружил свою близость к традиции Достоевского: «Те учения, которые безусловно-отрицательно относятся к войне и вменяют каждому в долг отказывать государству в требовании военной службы, вообще отрицают, чтобы человек имел какие-нибудь обязанности к государству. С их точки зрения – государство не более как шайка разбойников, которые гипнотизируют толпу, чтобы держать ее в повиновении и употреблять для своих целей. Но серьезно думать, что этим исчерпывается или хотя бы сколько-нибудь выражается *истинная сущность дела*, было бы уже слишком наивно. Особенно несостоятелен такой взгляд, когда он ссылается на христианство»⁶⁴. Война, по Соловьеву, может быть оправдана уже тем, что «между исторической необходимостью войны и ее отвлеченным отрицанием со стороны отдельного человека становится обязанность этого человека относительно того организованного целого (государства), которым до конца истории обуславливается не только существование, но и прогресс человечества»⁶⁵.

Первый из «трех разговоров» последней книги Вл. Соловьева (1900), прекрасно знакомой большинству современников Серебряного века, посвящен войне, причем речь в нем идет преимущественно о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Здесь уже прямо оспаривается толстовский тезис о неприятии войны как таковой и о ее несовместимости с христианством. Генерал, один из участников диалога, говорит: «Ясно, что христианские народы, по мысли которых святцы-то делались, не только уважали, но еще *особенно* уважали военное звание и изо всех мирских профессий только одну военную считали воспитывающею... своих лучших представителей для святости. Вот этот-то взгляд и несовместим с теперешним походом против войны»⁶⁶. Господин Z, в свою очередь, уверен в том, что «война *не* есть безусловное зло и что мир не есть безусловное добро», «бывает *хорошая война*... бывает *дурной*

мир» и что «окрасить войну сплошь одною черною краскою, а мир – одною белою никак невозможно»⁶⁷.

Целые абзацы работ Достоевского и Вл. Соловьева посвящены трагическим картинам турецких зверств. В «Дневнике писателя за 1876 г.» читаем: «В глазах умирающих братьев бесчестятся их сестры, в глазах матерей бросают вверх их детей-младенцев и подхватывают на ружейный штык; селения истребляются, церкви разбиваются в щепы, всё *сводится* поголовно – и это дикой, гнусной мусульманской ордой, закланной противницей цивилизации. Это уничтожение систематическое; это не шайка разбойников, выпрыгнувших случайно, во время смуты и беспорядка войны, и боющаяся, однако, закона. Нет, тут система, это метод войны огромной империи. Разбойники действуют по указу, по распоряжениям министров и правителей государства, самого султана...»⁶⁸ Споря с толстовским пацифизмом в «Дневнике писателя за 1877 г.», Достоевский вспоминал о 10-летней болгарской девочке: «У ней... одно воспоминание, которого она не может выносить. Турки взяли ее маленького брата, ребенка двух-трех лет, сначала выкололи ему иголкой глаза, а потом посадили на кол. Ребеночек страшно и долго кричал, пока умер, – факт этот совершенно верный <...> Теперь представьте себе, что вы бы там были сами в ту минуту, как они прокалывали ребенку глаза. Скажите, неужели вы бы не бросились остановить их, даже и кулаком?»⁶⁹.

Генерал в соловьевских «Трех разговорах...» описал характерный эпизод Русско-турецкой войны: «Вот раз... спускаемся мы в долину, и на карте значится, что большое армянское село <...> Смотрю, казаки подъехали и остановились как вкопанные – не двигаются. Я поскакал вперед; прежде чем увидел, по смраду жареного мяса догадался: башибузуки свою кухню оставили. Огромный обоз с беглыми армянами не успел спастись, тут они его захватили и хозяйничали. Под телегами огонь развели, а армян, того головой, того ногами, того спиной или животом привязавши к телеге, на огонь свесили и потихоньку поджаривали. Женщины с отрезанными грудями, животы вспороты <...> Женщина навзничь на земле за шею и плечи к тележной оси привязана, чтобы не могла головы повернуть, – лежит не обожженная и не ободранная, а толь-

ко с искривленным лицом – явно от ужаса померла, – а перед нею высокий шест в землю вбит, и на нем младенец голый привязан – ее сын, наверное, – весь почерневший и с выкатившимися глазами, а подле и решетка с потухшими углями валяется...» Когда русский отряд догнал турок, то генерал сказал своим подчиненным: «Мне Бог велит прикончить их, а не разгонять <...> Господи благослови! Приказал пальбу батарее. И благословил же Господь все мои шесть зарядов <...> Тут мы с казаками и драгунами с левого фланга ударили и пошли крошить как капусту»⁷⁰. Жестокая гибель палачей воспринималась с удовлетворением, как справедливое возмездие, как «Божье дело».

Обратившись к материалам «Русской мысли» 1914 года, мы увидим, что начавшаяся война осмыслялась в обрисованной выше парадигме. Так, осуждение немецких зверств происходило почти в тех же выражениях, что когда-то – турецких. Э.Д. Гримм в статье «Пьяные илоты: Немецкие бесчинства и европейская культура» подробно остановился на пренебрежении немцев к международному праву, издевательствах, грубости, жестокости их по отношению к иностранцам: «Запертые в тюрьмах и на бойнях, мирные путешественники, принужденные убирать конюшни и солдатские помещения. Выгнанные на полевые работы, избитые прикладами и лишённые всех средств пропитания; женщины, раздетые донага или систематически заплеванные; больные с сорванными повязками, наложенными после операции; родильницы, высланные на другой день после родов; дети, умершие от лишений на глазах матерей; целые города, подвергшиеся систематическому разгрому, – кровь стынет при мысли об этих зверствах, и голова отказывается понять такое повальное безумие»⁷¹. «Вандализмом» назвал расстрел Реймского собора немцами кн. Евгений Трубецкой⁷². В первые месяцы войны, констатировал В. Эрн, «под мягкой шкуркой немецкой культуры вдруг обнаружили хищные кровожадные когти. И лик “народа философов” исказился звериной жестокостью»⁷³.

Координаты осмысления реалий идущей войны задавались в «Русской мысли» 1914 г. не только Тютчевым, Достоевским и Вл. Соловьевым, но также и Н. Федоровым. Так, А. Мощанский напомнил о пророчествах Н. Федорова, сделанных им во 2-м томе «Фило-

софии общего дела» (1898): немецкий народ, во главе которого стоят «Черный Философ» (Ницше) и «Черный Царь» (Вильгельм II), провозгласившие войну высшей ценностью и отвергнувшие христианство, представляет опасность для всего мира; антихристианская Германия, заключившая союз с турецким исламом, религией войны, воспитывает в своих гражданах «озверение»; в неминуемой войне Россия выступит против Германии в союзе с Францией и Англией⁷⁴. Несколькими месяцами позже к пророчествам Н. Федорова о текущей войне обратился Н. Бердяев: «Мысль Федорова... предвидела роль Германии в мировом столкновении. Федоров <...> видел миссию России в умиротворении, в прекращении розни. Он развивает смелый и оригинальный проект обращения войска, которое ни в коем случае не должно быть распущено, на завоевание и урегулирование стихийных сил природы»; «...он не хотел разоружения»⁷⁵. Роль России в грядущей войне с Германией, по Н. Федорову, – защита христианства от воинственного магометанства и языческого варварства. В вопросе о войне Н. Федоров, как и Достоевский с Вл. Соловьевым, – антагонист толстовского «непротивления злу насилием». Однако его критика гораздо резче. Таков, например, отклик Федорова на известное воззвание Л. Толстого 1900 г. «Не убий!», в котором писатель, выступая против терроризма, призывал к игнорированию военной службы и уплаты налогов⁷⁶. Выступая здесь как патриот и защитник государства – необходимой ступени к народному «совершеннолетию», Федоров не поспешил на такие аттестации Л. Толстого, как «самозванный депутат народа», отказывающий «власти в праве сбора податей и набора войска», «злой и испорченный ребенок», «одержимый духом разрушения», «бесстыдный лгун», «фарисей», «гипнотизер», чье учение лишено логики и проникнуто ненавистью к России⁷⁷.

Практически все авторы «Русской мысли», писавшие о войне 1914 г., восприняли ее как «священное», «правое», «Божье дело»: Г. Вернадский, Вячеслав Иванов, В. Эрн, С. Франк, Е. Колтоновская, П. Струве⁷⁸. «С нами Крест Христов!» – восклицал Вячеслав Иванов; к молитве о победе России с ее духовной мощью под покровом Богородицы призывал В. Эрн; в русской армии, ведущей «великую европейскую войну», осуществлялся, по убеждению

П. Струве, союз «Великой России» и «Святой Руси», «религиозное чудо слияния силы и правды».

Те же и другие авторы писали об антихристианстве, языческой дикости, безбожии современных немцев, как когда-то Тютчев, Достоевский и Вл. Соловьев о турках. Одновременно они подчеркивали благородно-нравственную роль России в идущей войне – как носительницы, с одной стороны, высших христианских ценностей, с другой – подлинной европейской культуры. Причем нередко авторы «Русской мысли» 1914 г. прямо опирались в своих суждениях на авторитет предшественников. Так, еще в июльском номере П. Струве заявил, что в предстоящей борьбе с Германией «торжество России будет великой победой культуры и правды»⁷⁹. В стихотворной подборке «Современность»⁸⁰ В. Брюсов осмыслял место России среди европейских государств в тютчевско-достоевском духе: русские «не варвары, не дикая орда», но

... тот народ, кто обрел
Двух сфинксов на отмели невской,
Кто миру титанов привел,
Как Пушкин, Толстой, Достоевский...

Не случайно стихотворению «Польше» предпослан эпитафия из поэзии Тютчева (1850) как призыв к примирению двух славянских народов перед лицом остальной Европы: «Не в Петербурге, не в Москве, А в Киеве и в Цареграде...»

Со стороны В. Брюсова это был благодарный отклик на воззвание Верховного главнокомандующего о восстановлении Польши в ее территориальной целостности. Как когда-то Тютчев, В. Брюсов ввел русско-польскую проблему в общий контекст старого «восточного», славянского вопроса, связанного с судьбами Константинополя, борьбой с Турцией, союзником которой стала в войне 1914 г. Германия. Как Достоевский восхищался «колоссальным фактом» «союза царя с народом своим» в Русско-турецкой войне, так и В. Брюсов, Вяч. Иванов, П. Струве и кн. Е. Трубецкой выразили и отметили «всеобщий энтузиазм» по поводу одобренного царем возвания о «восстановлении единой, свободной в своем самоуправлении Польши»⁸¹.

В 1877 г. Достоевский писал о России, «бескорыстно и правдиво ополчившейся теперь на спасение и на возрождение угнетенных племен»⁸². В 1914 г. Григорий Рачинский отмечал, что за «дело братства и свободы» для «угнетенных национальностей» «борется и будет бороться до конца» Россия «с тем звериным ликом, который неожиданно и грозно глянул на нас, когда скинута была Германией маска культурного идеализма, за которую пятьдесят лет прятался онаглевший милитаризм и пошло-буржуазный эгоизм и вандализм»⁸³.

По мнению кн. Е. Трубецкого, в настоящей войне «историческая задача» России та же, что и в предыдущие десятилетия, – «защита слабых и воскрешение малых народов, поглощенных сильными»⁸⁴. Более того, в соответствии с тютчевско-достоевской доктриной «священной войны», Россия должна быть защитницей *всех* угнетенных народов, а не только славянских, во имя христианских идеалов: языческому «тевтонскому идолу» она должна противопоставить «христианскую культуру». В соответствии с соловьевским заветом, в идущей мировой войне Россия должна стать «Востоком Христа, а не Ксеркса»⁸⁵. Вслед за Достоевским, не ограничивавшим роль России в «восточном вопросе» защитой славянских народов, А. Изгоев утверждал, что «Россия шире славянства»⁸⁶.

Также и по мысли С. Булгакова, Россия в 1914 г. – «защитница правды и свободы»⁸⁷. Однако, несмотря на небывалое прежде сближение с европейскими странами в этой войне, Россия прежде всего самобытный мир, избежавший «того новоевропейского облика (“мещанской культуры”, секулярно-буржуазной массовизации. – О.Б.), ...носителем которого ныне является германство». Вслед за Достоевским С. Булгаков призывал Россию принять из европейской культуры ее христианские основы, отвергнуть «новоевропеизм» и пойти собственным путем «исторического творчества», т. е. «стать землей... “тысячелетнего царства святых” под главенством Христовым», осуществить хилиастические обетования. «Духовная красота» и «духовная культурность» России, по С. Булгакову, противостоят в этой войне «цивилизованному варварству» Германии⁸⁸.

Об актуальности в 1914 г. старого «восточного вопроса» писали А. Кизеветтер, П. Струве, Л. Козловский⁸⁹ и др. В связи с этим прямые обращения к идеям Тютчева находим в статьях Григория Рачинского, Вячеслава Иванова⁹⁰, Л. Козловского⁹¹; к идеям Достоевского – в статьях П. Струве, Григория Рачинского, кн. Евгения Трубецкого, Вячеслава Иванова, С. Булгакова, Е. Колтоновской⁹², Л. Козловского⁹³.

Непосредственные обращения к идеям Вл. Соловьева видим в статьях Э.Д. Гримма⁹⁴, А. Коральника, кн. Евгения Трубецкого⁹⁵. Симптоматичен перенос соловьевской «желтой опасности» (связанной с его рассуждениями о неизбежной грядущей мировой войне христианского Запада с безбожным монгольским Востоком, в трактате «Оправдание добра...») на немцев как новых «гуннов», к чему побудили «ужасы, творимые немцами в Бельгии, преступления против человеческого и божеского права, осквернение всех культурных ценностей»⁹⁶. Необходима «охрана культуры от внутреннего варвара, во сто крат более опасного, чем всякая желтая опасность, того внутреннего варвара», который возобладали ныне в немецком народе и имя которому – «человеконенавистничество, преклонение перед силой и мещанство»⁹⁷.

Даже столп русского конституционного либерализма П. Струве явно эволюционировал в сторону религиозно-философской концепции Тютчева и Достоевского, призывая к союзу «Святой Руси» («факта и идеи русской [религиозной] правды») и «Великой России» («факта и идеи русской [государственной] силы»)⁹⁸. Названную преемственность отметил в этой идее П. Струве Л. Козловский⁹⁹.

Пожалуй, из всех рассмотренных нами авторов только С. Франк полностью перевел патриотический пафос в либерально-секулярный ключ: война России и Германии не может быть охарактеризована как борьба Востока с Западом, потому что Россия в ней выступает в союзе с ведущими европейскими державами – Францией и Англией; эта война – «между защитниками права и защитниками силы, между хранителями святынь общечеловеческого духа... и его хулителями и разрушителями»¹⁰⁰. Либерально-культурный ценностный спектр характерен и для позиций Э.Д. Грим-

ма, М.О. Гершензона, А. Изгоева, Б. Эйхенбаума, А. Кизеветтера по отношению к разным аспектам противостояния России и Германии в 1914 г.

Итак, начавшаяся мировая война осмыслялась русским общественным сознанием в журнале «Русская мысль» и некоторых других изданиях 1914 – первой половины 1915 г. преимущественно в категориях, выработанных русской литературно-философской мыслью середины XIX – начала XX в. в творчестве Тютчева, Достоевского, Л. Толстого, Вл. Соловьева, Н. Федорова. Главным стало противопоставление христианской (православной – у Тютчева и Достоевского) России безбожному врагу (языческой дикости и социализму – у Достоевского; безрелигиозному позитивизму современной Германии – у авторов «Русской мысли» 1914 г.). Иное, либерально-секулярное осмысление происходивших событий звучало гораздо тише и, как правило, не опиралось на авторитет предшественников.

¹ Русская мысль. 1914. № 7. С. II.

² Там же. № 8–9. С. I.

³ Там же. № 12. С. 84.

⁴ Там же. С. 108.

⁵ Струве П. Суд истории // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 168.

⁶ Вернадский Г. Мысли о войне и смерти сто лет тому назад // Русская мысль. 1914. № 11. С. 105–107.

⁷ Струве П. Указ. соч. С. 170.

⁸ Козловский Л. Мечты о Царьграде: (Достоевский и К. Леонтьев) // Голос минувшего. 1915. № 2.

⁹ Гершензон М.О. 1870 и 1914 // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 97.

¹⁰ Вселенское дело. 1914. № 12. С. 99.

¹¹ Русская мысль. 1914. № 8–9, 11, 12.

¹² Там же. № 12.

¹³ Там же.

¹⁴ Голос минувшего. 1915. № 2.

¹⁵ Изгоев А. На перевале // Русская мысль. 1914. № 8–9.

¹⁶ Там же. № 11. С. 162.

¹⁷ Там же. № 12.

¹⁸ Там же. С. 178.

- ¹⁹ Гачева А.Г. «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...»: Достоевский и Тютчев. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 420–421.
- ²⁰ Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и писем: В 6 т. М.: Классика, 2002–2004. Т. 3. С. 118.
- ²¹ Там же. С. 180, 181.
- ²² Там же. С. 144–145.
- ²³ Там же. С. 148.
- ²⁴ Там же. С. 156.
- ²⁵ Гачева А.Г. Указ. соч. С. 380.
- ²⁶ Козловский Л. Указ. соч. С. 93, 97.
- ²⁷ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 23. С. 46, 47.
- ²⁸ Струве П. Ответ на «необходимое пояснение» // Русская мысль. 1914. № 12. С. 190.
- ²⁹ Булгаков С. Русские думы // Русская мысль. 1914. № 12. С. 113.
- ³⁰ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 23. С. 47.
- ³¹ Русская мысль. 1914. № 12. С. 97.
- ³² Там же. С. 114.
- ³³ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 25. С. 99, 100, 96, 95.
- ³⁴ Русская мысль. 1914. № 12. С. 120.
- ³⁵ Колтоновская Е. Война и писатели: О писательской психологии // Русская мысль. 1914. № 12. С. 138.
- ³⁶ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 26. С. 85.
- ³⁷ Русская мысль. 1914. № 12. С. 105.
- ³⁸ Булгаков С. Указ. соч. С. 114, 111.
- ³⁹ Кизеветтер А. Россия и Константинополь // Русская мысль. 1914. № 8–9; Козловский Л. Указ. соч.
- ⁴⁰ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 23. С. 60.
- ⁴¹ Там же. Т. 25. С. 156.
- ⁴² Там же. Т. 26. С. 87, 91.
- ⁴³ Струве П. Суд истории // Русская мысль. 1914. № 11. С. 166.
- ⁴⁴ Франк С. О поисках смысла войны // Русская мысль. 1914. № 12. С. 132.
- ⁴⁵ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 26. С. 86.
- ⁴⁶ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1935–1958. Т. 19. С. 352.
- ⁴⁷ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 19. С. 361.
- ⁴⁸ Там же. С. 387.
- ⁴⁹ Там же. С. 387, 388.
- ⁵⁰ Там же. С. 388, 389.
- ⁵¹ Там же. С. 395, 396.
- ⁵² Там же. С. 390, 391.
- ⁵³ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 25. С. 193–194.
- ⁵⁴ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 19. С. 353.

- ⁵⁵ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 25. С. 169, 170.
- ⁵⁶ Русская мысль. 1914. № 12. С. 133–139.
- ⁵⁷ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 25. С. 214, 215.
- ⁵⁸ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 90. С. 48, 49, 51.
- ⁵⁹ Там же. С. 432, 437.
- ⁶⁰ Там же. Т. 38. С. 177.
- ⁶¹ Бердяев Н.А. Духи русской революции. // Из глубины: Статьи о русской революции. Библиотека Гумер – философия // (http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Iz_Glub/02.php).
- ⁶² Франк С. Указ. соч. С. 125.
- ⁶³ Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 464, 471, 474.
- ⁶⁴ Там же. С. 480.
- ⁶⁵ Там же. С. 484.
- ⁶⁶ Там же. Т. 2. С. 649.
- ⁶⁷ Там же. С. 651, 652.
- ⁶⁸ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 23. С. 61–62.
- ⁶⁹ Там же. Т. 25. С. 171.
- ⁷⁰ Соловьев В.С. Указ. соч. Т. 2. С. 661–663.
- ⁷¹ Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 77.
- ⁷² Трубецкой Е. Война и мировая задача России // Русская мысль. 1914. № 12. С. 95.
- ⁷³ Эрн В. От Канта к Кресту // Русская мысль. 1914. № 12. С. 116.
- ⁷⁴ Моцанский А. Мысли и предсказания Н.Ф. Федорова // Русская мысль. 1914. № 12. С. 140–145.
- ⁷⁵ Бердяев Н. Пророчества Н.Ф. Федорова о войне // Биржевые ведомости. 1915. 15 авг.; см. также: Бердяев Н. Религия воскрешения. «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова // Русская мысль. 1915. № 7.
- ⁷⁶ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 34. С. 200–205.
- ⁷⁷ Федоров Н.Ф. Собр. соч.: В 4 т. М.: Прогресс-Традиция, 1995–1999. Т. 4. С. 37, 41.
- ⁷⁸ Русская мысль. 1914. № 12. С. 97, 107, 124, 126, 133, 180.
- ⁷⁹ Там же. № 7. С. П.
- ⁸⁰ Там же. № 8–9.
- ⁸¹ Там же. № 12. С. 88.
- ⁸² Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 25. С. 99.
- ⁸³ Рачинский Г. Братство и свобода // Русская мысль. 1914. № 12. С. 85.
- ⁸⁴ Трубецкой Е. Указ. соч. С. 88.
- ⁸⁵ Там же. С. 95, 96.
- ⁸⁶ Изгоев А. Указ. соч. С. 166.
- ⁸⁷ Булгаков С. Указ. соч. С. 113.
- ⁸⁸ Там же. С. 114, 115.
- ⁸⁹ Кизеветтер А. Указ. соч.; Струве П. Суд истории...; Козловский Л. Указ. соч.
- ⁹⁰ Русская мысль. 1914. № 12.

⁹¹ Голос минувшего. 1915. № 2.

⁹² Русская мысль. 1914. № 12.

⁹³ Голос минувшего. 1915. № 2.

⁹⁴ Русская мысль. 1914. № 8–9.

⁹⁵ Там же. № 12.

⁹⁶ *Коральник А.* Германская идея // Русская мысль. 1914. № 12.

⁹⁷ *Гримм Э.Д.* Пьяные илоты... // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 92.

⁹⁸ Русская мысль. 1914. № 12. С. 180.

⁹⁹ *Козловский Л.* Указ. соч. С. 94.

¹⁰⁰ *Франк С.* Указ. соч. С. 129, 132.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА